

общности войдет в принимаемые без сомнений повседневные практики и будет ностальгически переживаться даже по завершении этого проекта, но только в том случае, если удастся соответствующим образом сконструировать вещную среду данного сообщества. Изменение набора вещей и технологий взрывает такую коллективную идентичность, как мобильный телефон с автоматическим определителем номера звонящего — представления об автономии и этикете.

В.Г. НИКОЛАЕВ

ЧЕЛОВЕК МАРГИНАЛЬНЫЙ

В истории наук о человеке было немало попыток определить особые качества, приобретаемые человеком в условиях контакта и смешения разных культур, обществ, групп, образов жизни. Важное место в ряду этих попыток занимает концепция «маргинального человека», предложенная в 1920-е гг. интеллектуальным лидером Чикагской школы социологии Р.Э. Парком. Она обрела классический статус и в каком-то смысле до сих пор сохраняет свою работоспособность и эвристический потенциал.

Прежде всего следует сделать важное уточнение. В силу особенностей этимологии слово «маргинальный», производное от латинского *margo* (край, граница), понимается и употребляется в двух совершенно разных смыслах. В обыденном употреблении (например, во французском и русском языках), а также в социально-научных, политических и идеологических дискурсах оно чаще всего означает нахождение на краю/границе/периферии по отношению к некоторому центру, понимаемому как вместилище стандарта нормальности и человеческого/социального/культурного благополучия. Это употребление слова имеет по существу оценочный характер: независимо от того, говорится ли о «маргиналах» с презрением или сочувствием, коннотация этого слова — негативная, вплоть до пейоративной. При говорении от лица «маргиналов» оценочная полярированность может переворачиваться, но общая форма понятия по существу не меняется: в этом случае центр становится объектом негативной оценки,

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета — Высшая школа экономики, старший научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).

а нормативный стандарт и человеческая правильность размещаются в «маргинальной» позиции. Парк, говоря о «маргинальном человеке», имел в виду нахождение *не на краю, а между*: между двумя культурными мирами¹. Хотя два указанных понимания «маргинальности» часто смешиваются², они принципиально разные и, вероятно, не могут использоваться одновременно, не порождая бессмыслицу. Именно парковское понимание «маргинальности» стало классическим, и далее мы будем говорить о ней только в этом смысле.

Краткий историко-социологический экскурс

Понятие «маргинальный человек» впервые появилось в очерке Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928)³. Впоследствии он специально обращался к этому понятию в статьях «Личность и культурный конфликт» (1931)⁴ и «Культурный конфликт и маргинальный человек» (1937, предисловие к книге Э.В. Стоунквиста)⁵, а также периодически использовал его в некоторых других своих публикациях. Важной вехой в развитии этой концепции стала монография Э.В. Стоунквиста «Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта» (1937)⁶. Следующая веха связана с очерком Э.Ч. Хьюза «Социальное изменение и статусный протест: очерк о маргинальном человеке» (1949)⁷. В стандартных историях концепций маргинальности и

¹ Подробнее эти два понимания «маргинальности» рассмотрены с несколько разных точек зрения в: Николаев В.Г. Социологические понятия в социокультурных контекстах: Опыт рефлексивной социологии знания. 2006 (<http://socportal.ucoz.ru/publ/2-1-0-17>); Харламов Н.А. Пространство «маргинала» против пространства «маргинального человека»: Проблематизация метафорического смысла социологических понятий. М., 2009 (неопубликованная магистерская диссертация).

² См., например, работы: Поляков В.И. Маргинальная личность // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 175; Балабанова Е.С. и др. Маргинальность в современной России. М., 2000.

³ См. сокращенный перевод: Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 3. С. 167-176.

⁴ Парк Р.Э. Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 175-192.

⁵ См. сокращенный перевод: Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 172-175.

⁶ Stonequist E.V. The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y., 1937. В 1961 г. Стоунквист опубликовал автореферат этой книги, снабдив его примечаниями, в которых дал оценку развития этой концепции и ее перспектив. См. перевод автореферата: Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 1. С. 9-36.

⁷ Hughes E.C. Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man // Hughes E.C. The Sociological Eye. Chicago, N.Y., 1971. P. 220-228.

генеалогиях этого понятия, как правило, фигурируют эти и только эти публикации чикагцев. Наряду с ними обычно упоминаются очерк Г. Зиммеля о чужаке⁸ (так как понятие маргинального человека восходит к этому зиммелевскому понятию) и очерк А. Шюца «Чужак» (1944)⁹, в котором понятия чужака и маргинального человека переистолковываются под углом зрения социальной феноменологии.

Такая выборка классических источников, функционально значимая для производства прерывного исторического ряда все более совершенных теорий маргинальности, существенно ограничивает и во многом искажает тот смысл, которым понятие маргинальности изначально было наполнено, и уводит от того эвристического потенциала, которым оно обладает. Значительно более объемное понимание маргинальности можно сформировать, если опираться на следующие соображения.

1. Круг явлений, относящихся к маргинальности, обсуждался Парком не только в работах, в которых прямо употребляется термин «маргинальный человек», но и в работах, в которых этот термин не используется, в том числе написанных еще до его введения. Эти работы надо принять во внимание.

2. Особенностью корпуса социологических текстов Чикагской школы, в которых обсуждается маргинальность, является то, что обсуждение разных ее аспектов рассредоточено по работам разных авторов, а не одного только Парка; некоторые аспекты освещены в работах его коллег и учеников лучше, чем у него, или иначе, чем у него. Их тоже стоит принять во внимание. Как и у Парка, в них тоже не всегда используется термин «маргинальный человек», а иногда употребляются термины, полностью или почти ему синонимичные («культурный гибрид», «расовый гибрид», «человек фронта»).

3. Понятие «маргинальный человек» вписано в разработанную Парком общую схему соотнесения, и его смысл не может быть полностью уяснен вне этой схемы¹⁰. Эта вписанность наполняет понятие «маргинального человека» многомерностью и помещает его во множество взаи-

⁸ Зиммель Г. Экскурсы о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 7-13.

⁹ Шюц А. Чужак // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 533-549. Почти никогда не упоминается в этой связи другой очерк Шюца, тематически очень близко к нему примыкающий, «Возвращающийся домой» (сокращенный вольный перевод см.: Шюц А. Избранное... С. 550-556).

¹⁰ См. реконструкцию этой схемы соотнесения в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 21-33.

мосвященных контекстов. Все эти контексты должны быть приняты во внимание.

Когда мы имеем это в виду, круг релевантных источников, в которых освещаются те или иные аспекты маргинальности, становится гораздо шире, чем приведенный ранее. Маргинальный человек рассматривается Парком как *специфически современный* личностный (или «антропологический») тип, а поскольку специфические свойства личности не могут рассматриваться вне социального контекста, в котором они формируются, то понимание феномена маргинальности оказывается соотнесено с анализом *современного общества*, широко представленным во всем корпусе текстов Парка и его коллег. В силу того, что современный тип общества преимущественно городской, важным контекстом, в который вписано понимание маргинальности, является анализ *города, городского общества и урбанизма*, также широко представленный во всем корпусе текстов чикагцев¹¹. Город как «*мозаика миров*» оказывается для чикагцев «лабораторией», в которой свойства маргинального человека могут быть легче всего обнаружены и изучены эмпирически¹². Город и современное общество — это та особая социальная среда, которая вовлекает разные группы с разными культурами и образами жизни в орбиту общей жизни, создавая то *сочетание физической близости и социальной дистанции*, которое является конститутивным условием маргинальности¹³. *Отношения между группами* в условиях, характеризующих их территориальным соседством и культурными различиями, являются для маргинальности одним из ключевых контекстов. В этом контексте контакт между группами порождает *культурные конфликты*, локусом и ключевым агентом которых становится маргинальный человек; в этом смысле о последнем говорится

¹¹ См., например: *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118. Специфические личностные черты, приписываемые у Вирта горожанину, совпадают с типовым набором черт маргинального человека.

¹² В этом плане релевантны такие публикации, как «Хобо» Н. Андерсона (1923), «Золотой берег и трущобы» Х.У. Зорбо (1929), «Гетто» Л. Вирта (1928), «Пилигримы Русского городка» П. Янг (1932), «Гостиничная жизнь» Н. Хейнера (1936), «Временный постоялец» П. Сю (1952) и др. Личностные черты, находящиеся в них в центре внимания, относятся к комплексу черт маргинального человека.

¹³ Это сочетание является устойчивым фоном для рассмотрения маргинальности вообще и ее частных проявлений в текстах чикагцев. Понятие *социальной дистанции*, включенное в эту формулу, является важным инструментом для описания отношений между группами, в контексте которых возможно зависание *между* ними. См., например: *Парк Р.Э.* Понятие социальной дистанции // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 192–197; *Богардус Э.* Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования. М., 2003. С. 187–194.

как о носителе культурных диссонансов, культурно нестандартного мышления и поведения, как о «плавильном котле» и культурном «ферменте»; в контексте внутреннего культурного конфликта объясняются практически все личностные черты этого антропологического типа.

Одним из важнейших случаев межгрупповых отношений являются так называемые *расовые отношения*, под которыми у чикагцев понимаются не только — хотя прежде всего — отношения между расовыми группами, но и то, что мы могли бы сегодня назвать (*меж*)*этническими отношениями*. Этот вид межгрупповых отношений, в которых культурные различия подкрепляются и во многом скрываются опознаваемыми физическими различиями, — одна из важнейших тем чикагских социологических исследований, и проблематика маргинальности плотно инкорпорирована в них в виде обсуждения проблем *расового/культурного «смешения»*, *расовых/культурных «гибридов»*, *расовых предрассудков*¹⁴. Поскольку неизбежным, согласно общей схеме соотнесения Парка, аспектом межгрупповых отношений являются отношения *господства*, то проблематика маргинальности оказывается соотнесенной с этим аспектом, причем не только в очевидной форме разделения групп на господствующие и подчиненные, но и в контексте менее очевидных проникновений неравенств в организацию коллективной жизни, таких как иерархическое упорядочение занятий и профессий¹⁵. Будучи более или менее дистанци-

¹⁴ В этом контексте релевантны работы о «расовых отношениях» Р.Э. Парка, Э.Ч. Хьюза, Э.Ф. Фрезера, Э.Б. Рейтера, Ч.С. Джонсона. См., например: *Park R.E. The Conflict and Fusion of Cultures with Special Reference to the Negro // Journal of Negro History. 1919. Vol. 4. № 2. P. 111-133; Park R.E. The Bases of Race Prejudice // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1928. Vol. 140. P. 11-20; Park R.E. Mentality of Racial Hybrids // American Journal of Sociology. 1931. Vol. 36. № 4. P. 534-551; Парк Р.Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 1. С. 101-113; Hughes E.C. French Canada in Transition. Chicago: University of Chicago Press, 1943; Hughes E.C. The Study of Ethnic Relations // Hughes E.C. The Sociological Eye. P. 153-158; Hughes E.C. The Nature of Racial Frontiers // Ibid. P. 167-173; Hughes E.C. New Peoples // Ibid. P. 174-190; Hughes E.C. Anomalies and Projections // Ibid. P. 229-241; Frazier E.F. Race Contacts and the Social Structure // American Sociological Review. 1949. Vol. 14. № 1. P. 1-11; Reuter E.B. The Superiority of the Mulatto // American Journal of Sociology. 1917. Vol. 23. № 1. P. 83-106; Reuter E.B. American Mulatto // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1928. Vol. 140. P. 36-43; Reuter E.B. Civilization and the Mixture of Races // Scientific Monthly. 1930. Vol. 31. № 5. P. 442-449; Reuter E.B. Why the Presence of the Negro Constitutes a Problem in the American Social Order // Journal of Negro Education. 1939. Vol. 8. № 3. P. 291-298; Reuter E.B. Racial Theory // American Journal of Sociology. 1945. Vol. 50. № 6. P. 452-461; Johnson C.S. Incidence upon the Negroes // American Journal of Sociology. 1935. Vol. 40. № 6. P. 737-745; Johnson C.S. The Present Status of Race Relations, with Special Reference to the Negro // Journal of Negro Education. 1939. Vol. 8. № 3. P. 323-335.*

¹⁵ См., например: *Hughes E.C. Social Change and Status Protest...; Hughes E.C. Dilemmas and Contradictions of Status // Hughes E.C. The Sociological Eye. P. 141-150.*

рованным от групп, между которыми он зависит, маргинальный человек оказывается более или менее свободен от их культур и их социального контроля; с этим связывается не только целый ряд личных и поведенческих особенностей маргинального человека (рациональность, инновативность, склонность к делинквентности¹⁶ и т.п.), но и существенная *трансформация механизмов социального контроля* (перенос центра тяжести с традиции, религии, обычая, ценностей на новости, моды и идеологии¹⁷), *культуры* (секуляризация, омассовление), *паттернов коммуникации* (относительное уменьшение значимости личных контактов и возрастание значимости анонимной коммуникации, опосредованной СМИ) и т.п. Все эти контексты – трансформация социального контроля, социальная и культурная дезорганизация, преступность и делинквентность, секуляризация, формирование массового общества, рационализация, переориентирование коммуникаций и т.д. – имеют *прямое отношение к маргинальному человеку как специфически современному антропологическому типу*, так как *все они реализуются в событиях, происходящих прежде всего в нем и через него*. Эти контексты не следует понимать как статичные, поскольку в Чикагской школе общество трактовалось как взаимодействие, как подвижная интерактивная конфигурация индивидов и групп, рекурсивно связанная со своими средами и постоянно реорганизуемая в процессе взаимодействия с ними.

Одним из параметров этой реорганизации является *эволюционное изменение*, ведущее от множества разрозненных, хорошо изолированных друг от друга мы-групп к тому *обществу в состоянии переплавки*, которое мы обычно характеризуем как «современное». Этот переход не может быть описан и даже помыслен без разрушения границ, отделявших одни группы от других, и образования на их месте более широких групп с более инклюзивной культурой; соответственно, вся проблематика маргинальности оказывается вписанной в такой контекст, как процессы *диффузии и аккультурации*¹⁸. С этим контекстом связан еще один, более конкретный: парковская модель контакта между культурными группами, в которой выделяются такие стадии, как *конкуренция, кон-*

¹⁶ См., например: *Wirth L. Culture Conflict and Delinquency // Social Forces. 1931. Vol. 9. № 4. P. 484-492.* В принципе, связь преступности и делинквентности с крушением механизмов социального контроля традиционного типа является фоном практически всех чикагских криминологических исследований (К. Шоу, Ф. Трэшер, П. Кресси и др.).

¹⁷ См., например: *Park R.E. Reflections on Communication and Culture // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 2. P. 187-205.* Здесь будут релевантными работы Р.Э. Парка и Х. Хьюза о новостях, Л. Вирта об идеологии и Г. Блумера о моде.

¹⁸ См., например: *Park R.E. Reflections... P. 196-205.*

фликт, аккомодация и ассимиляция, прочерчивающие переход от полной взаимной изоляции исходных культурных групп до полного исчезновения разделявшей их границы и их растворения в более широком культурном единстве.

В этом контексте маргинальность оказывается заключенной в промежутке между исходной и конечной точками и соотносится с множеством промежуточных состояний, а также такими связанными с ними феноменами, как *челночные движения между изоляцией и ассимиляцией*¹⁹, *меньшинства*²⁰, *национализм и космополитизм*²¹, *маргинальные группы*²², *гетто*²³ и т.п. Через эти связи становятся более ясными разные внешние манифестации маргинальности и траектории маргинальных карьер. Есть еще один важный контекст, который чаще всего отмечается в обзорной литературе: у культурных конфликтов, в эпицентре которых находится маргинальный человек, имеется экологическая подоплека, и этой подоплекой является *миграция*, сводящая в пределах одной территории людей и группы людей с разными культурными бэкграундами.

В этой связи часто отмечается, что образцом маргинального человека служит мигрант, и выводятся из поля зрения другие виды социальных перемещений, не подпадающие под миграцию, но производящие тот же пограничный тип человека: перемещения из одного социального слоя в другой, переход границ между гендерными категориями, «миграции» из одной профессии в другую и т.п. *Мобильность* должна учитываться как один из существенных контекстов маргинальности. Наконец, маргинальность всегда проявляется на конкретных *интеракционных сценах*, и этих сцен так же много, как и мест, которые могут посещаться человеком маргинального типа. Среди этих сцен чикагцы особо выделяли семью²⁴, уч-

¹⁹ Эта тема хорошо раскрывается в работах Р.Э. Парка, Э. Стоунквиста и Л. Вирта.

²⁰ См., например: *Вирт Л.* Проблема меньшинств // *Избранные работы...* С. 152-177.

²¹ Парк неоднократно отмечал, что маргинальный человек по своей природе космополит. У его учеников (в частности, Э. Стоунквиста и Л. Вирта) показывается, что маргинальный человек органичен и в националистических ролях. См.: *Stonequist E.V.* Op. cit. P. 159-174; *Вирт Л.* Проблема меньшинств. С. 168-169.

²² Эта тема подробно разбирается в «Маргинальном человеке» Э. Стоунквиста и в работах Э.Б. Рейтера о мулатах.

²³ Классическим образцом здесь служит монография «Гетто» Л. Вирта. См.: *Вирт Л.* Гетто (главы из книги) // *Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология.* 2005, № 1-2; *Вирт Л.* Гетто (журнальный вариант) // *Избранные работы...* С. 178-191.

²⁴ См. например: *Frazier E.F.* Certain Aspects of Conflict in the Negro Family // *Social Forces.* 1931. Vol. 10, N. 1. P. 76-84; *Frazier E.F.* Children in Black and Mulatto Families // *American Journal of Sociology.* 1933. Vol. 39. № 1. P. 12-29.

реждения образования²⁵, предприятия и профессии²⁶. И это, разумеется, далеко не весь круг значимых сцен.

Вышеприведенный расширенный обзор контекстов маргинальности не может претендовать на полноту. Однако его должно быть достаточно, чтобы показать, насколько классическая чикагская концепция маргинальности шире по замыслу и композиции, чем преобладающая форма ее рецепции. Далее мы попытаемся реконструировать эту концепцию, отталкиваясь от этого замысла и внося в него некоторые неизбежные сегодня коррекции и уточнения.

«Маргинальный человек»: реконструкция концепции

Самое общее определение «маргинального человека», которое Парк в практически неизменном виде воспроизводит, начиная с ранних своих работ и до самых поздних, звучит так: это «человек, который живет в двух мирах, но не чувствует себя как дома ни в одном из них»²⁷. Учитывая ту путаницу, которой позже обросло это понятие, резонно взять как отправную точку именно это предельно общее определение, хотя у чикагцев есть, разумеется, и более развернутые²⁸.

В этом определении содержится некоторый набор допущений. Прежде всего, предполагается *множественность социальных/культурных «миров»*; у Парка она фигурирует как множественность «мы-групп», обладающих более или менее дискретными, отличными друг от друга, трудно совмещающимися и даже, возможно, «антагонистическими» «культурами». Предполагается, что человек может быть в какой-то из этих «групп» и «культур» «как дома» и что при определенных условиях это качество его бытия *может быть утрачено*. Без этих посылок понятие «маргинального» логически невозможно, и если в действительности отсутствуют эмпирические корреляты этих посылок, то не будет и эмпирического коррелята «маргинального человека».

Реконструируем концепцию маргинальности исходя из этих посылок.

²⁵ См., например: *Park R.E. Education and the Cultural Crisis // American Journal of Sociology. 1943. Vol. 48. № 6. P. 728-736; Johnson C.S. The Education of the Negro Child // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. № 2. P. 264-272; Johnson C.S. On the Need of Realism in Negro Education // Journal of Negro Education. 1936. Vol. 5. № 3. P. 375-382; Johnson C.S. The Social Setting of Negro Education. 1939. Vol. 12. № 5. P. 275-287.*

²⁶ См., например: *Hughes E.C. Queries Concerning Industry and Society Growing Out of Study of Ethnic Relations in Industry // The Sociological Eye. P. 73-86; Hughes E.C. The Knitting of Racial Groups in Industry // Ibid. P. 265-275; Johnson C.S. The Conflict of Caste and Class in an American Industry // American Journal of Sociology. 1936. Vol. 42. № 1. P. 55-65.*

²⁷ *Park R.E. Reflections... P. 204.*

²⁸ См., например: *Stonequist E.V. Op. Cit. P. 8; Стоунквист Э.В. Указ. соч. С. 12.*

1. В качестве исходного состояния человека берется погруженность во взаимодействие с некоторым кругом значимых других, с которыми он может, в противоположность всем прочим, *идентифицироваться* как с теми, кто, как и он, принадлежит к *сфере его «мы»*. В пределах этой сферы взаимодействие характеризуется высокой степенью *нерефлексивного*, почти автоматического *понимания*, действия отличаются *высокой степенью скоординированности*, и исправно поддерживается тот *фон воспринимаемо нормальных видимостей*, который позволяет человеку чувствовать себя непринужденно, «как дома», в известной степени комфортно и уютно²⁹. Уютность этого мира для человека гарантирована тем, что его присутствие и место в нем не ставятся другими под сомнение³⁰; в терминологии Парка, человек имеет «статус» в этом мире и тем самым *устойчивое представление о себе*, т.е. *устойчивое Я*. Он может *быть уверенным* в этом мире и *уверенно действовать* в нем. Каждое «мы» отделено от остального мира *границей*, и за этой границей находятся «они».

1.1. Рассматривая появление маргинального человека в эволюционном контексте, Парк берет в качестве точки отсчета (ссылаясь на У.Г. Самнера³¹) множество абсолютно дискретных, самодостаточных, замкнутых «мы-групп» со своими особыми «культурами», «обычаями», «традициями». Эта полная самодостаточность мы-группы поддерживается тем, что все взаимодействия ее членов замыкаются в ее границах; границы экономических, политических, культурных/моральных, личных связей совпадают с экологической границей мы-группы, т.е. границей территории, которую она монополюльно занимает. В этом полностью изолированном, герметичном мире взаимодействие с любым другим ожидаемо и предсказуемо, хотя вовсе не обязательно приятно. Члены мы-группы дистанцированы от тех, кто не входит в их число, в буквальном смысле слова: *социальная/культурная дистанция соединяется с физической*.

Для того чтобы мог появиться маргинальный человек, границы должны стать проницаемыми, т.е. взаимодействия членов изначально изоли-

²⁹ Связь идентичности со свободой действия в «пространстве уюта» ясно установлена в статье: *Оберемко О.А.* Пространственно-деятельная идентичность как представление о «территории свободы» // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 62-81.

³⁰ Зиммель придает этому условию статус социологического априори и указывает, что оно «означает для отдельного человека основание и “возможность” принадлежать обществу. Что каждому индивиду ввиду его качеств указано определенное место в его социальной среде, что это идеально принадлежащее ему место также и в действительности имеется в социальном целом, — это та предпосылка, исходя из которой отдельный человек живет своей общественной жизнью...» (*Зиммель Г.* Как возможно общество? // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 331).

³¹ См.: *Парк Р.Э.* Культурный конфликт и маргинальный человек. С. 172-173.

рованной мы-группы должны выйти за пределы, очерченные их замкнутой жизненной организацией. Отсюда та роль, которую Парк отводил *миграции*. Физические перемещения членов мы-группы за пределы территории собственной группы приводят их во взаимодействие лицом-к-лицу с членами других мы-групп, в котором осуществляется то *специфическое соединение физической близости с социальной/культурной дистанцией*, которое переживается человеком как *неспособность чувствовать себя «как дома» среди людей, среди которых он находится и с которыми он взаимодействует*. Другие испытывают то же самое в связи с ним. Он не создает воспринимаемо нормальных видимостей для них, а они не создают их для него; он выстраивает в ходе взаимодействия поток деятельности, не вполне прозрачный по смыслу для них, а они — поток деятельности, не вполне прозрачный для него.

Координация не совершается сама собой; взаимодействие может в любой момент дать сбой; нормальные ожидания подвешиваются. Это переживается участниками как *проблема*; эта проблема связывается с «инородным» участником; в зависимости от того, как распределена власть в этой конфигурации, следствия могут быть разными, но в любом случае происходит *отторжение чужака*. Если во взаимодействии с членами своей мы-группы человеку гарантировано место в мире, то здесь такой гарантии нет: он воспринимается другими и сам воспринимает себя как *здесь неуместного*; в этом социальном мире у него нет признанного другими «статуса» (равнозначного «членству» в этнометодологическом смысле), и он *не может сформировать поддерживаемого другими представления о том, кто он такой, т.е. устойчивой идентичности, позволяющей ему уверенно существовать именно в этом мире, а не в том, из которого он сюда попал*.

Миграция — не единственный механизм, создающий такие ситуации. В работах Парка упоминаются и другие: войны, завоевания, торговые обмены (в том числе так называемая молчаливая торговля) и т.д. Все они, сводя во взаимодействии лицом-к-лицу членов разных мы-групп, создают условия для взаимопроникновения их культур (двусторонней диффузии культурных черт) и постепенного стирания разделявшей их вначале границы. В этом процессе Парк выделяет стадии конкуренции, конфликта, аккомодации и ассимиляции. Если начальным состоянием является сосуществование обособленных друг от друга культурных миров, то конечным — «более широкий мир», в котором исходные культуры смешаны и сплавлены воедино и границ между ними уже нет. Маргинальность темпорально размещается между этими двумя точками: *маргинальный человек оказывается локусом и агентом перехода из узких и периферийных миров в более широкий, инклюзивный и универсальный*.

Указанный переход характеризуется сложной динамикой продвижений вперед и откатов назад; предложенная Парком последовательность «стадий» описывает лишь набор промежуточных состояний, любое из которых может при тех или иных обстоятельствах сменяться любым другим, если только не произошло необратимое сплавление исходных групп, в котором наследники этих групп уже не могут отличить себя друг от друга на прежних основаниях. Карьеры маргинального человека и истории маргинальных групп могут быть наполнены шатаниями и резкими поворотами³².

Когда в качестве условия маргинализации человека называется выход из партикулярного мира мы-группы в сферу более широких взаимодействий, важно не забывать, что конститутивным признаком маргинального человека является не только отторжение его группой, в которую он пришел как чужак, но и *отторжение его группой, из которой он вышел*. Он не только не имеет места («статуса», полноценно признанного «членства») в новой группе, но и утрачивает место в старой³³. В этом смысле Парк говорит о маргинальном человеке как о человеке, который физически и ментально «ушел из дома». *Чтобы быть маргинальным, человек должен либо одновременно надолго покинуть «родную группу», либо регулярно надолго покидать ее, живя в двух мирах «одновременно».*

1.2. Самнеровская картина примитивных культурных мы-групп, взятая Парком в качестве отправной точки, функционально полезна для прояснения природы маргинальности и ее эволюционной значимости. Тем не менее в ней содержится несколько допущений, неприемлемых вне той задачи, которая с ее помощью решается.

Во-первых, случай полной культурной изоляции крайне редок, и даже в самых «архаических» группах, изученных антропологами, такой изоляции не наблюдалось. Скорее, этот случай – идеальный конструкт вроде *Gemeinschaft* Ф. Тённиса или «социального сегмента» Э. Дюркгейма. Но к современности, по крайней мере в значительной ее части, этот конструкт явно неприменим.

Во-вторых, даже в случае «примитивных» и «архаических» групп вряд ли возможно единственное унифицированное «мы». Тем более невозмож-

³² «Жизненный цикл» маргинального человека подробно описан Стоунквистом и Виртом. См.: *Stonequist E.V.* Op. cit. P. 120-158; *Wirth L.* The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928. P. 241-281. Для взаимодействия между группами важны такие возможности, как геттоизация и анклавизация, активность меньшинств и политика в отношении них, натовистские и националистические движения, гибридизация и т.д.

³³ Хотя описания этой утраты «дома» можно найти у многих чикагцев (например, у Парка, Зорбо, Вирта), более убедительно ее описал все-таки А. Шюц в очерке «Возвращающийся домой».

но оно в современном обществе, несоизмеримо более дифференцированном по сравнению с такими группами. Поэтому необходимо постулировать не одно «мы», а некоторый набор «мы», с которыми человек себя идентифицирует.

В-третьих, «группы» в самнеровской картине берутся как уже готовые, существующие до действия. Этот постулат реифицирует группы, игнорирует природу их как конструкторов, вырабатываемых в самом действии. Работая с современным обществом, мы не можем руководствоваться этим постулатом.

Исходя из этого, мы должны скорректировать парковскую концепцию, но при этом в духе самого Парка как прагматиста и интеракциониста.

2. Очевидно, что современное — большое, урбанизированное, массовое, «цивилизованное», сложное, многомерно дифференцированное, тяготеющее к глобальности и т.д. — общество возникло на месте множества небольших по размеру мы-групп, если не полностью, то как минимум в высокой степени изолированных, и что оно образовалось посредством постепенного стирания границ между ними. Очевидно также и то, что не все эти границы стерлись, а вместо исчезнувших появились новые, еще более многочисленные. Историю человечества можно представить в этом аспекте как *историю постоянного переконfigurирования границ*, а современное общество — как *рассеченное бесчисленными границами, проводимыми по самым разным основаниям*. Это означает, что маргинальный человек, в принципе возможный на всех этапах человеческой истории, *наиболее характерен именно для современности*. В ходе модернизации *основания для маргинальности множатся, а проявления ее становятся, быть может, не такими резкими, но более многообразными*.

3. Умножение границ есть умножение различий или, что то же самое, *умножение всевозможных «мы»*. Если мыслить общество как подвижную конфигурацию действий/взаимодействий, то базисом для этих «мы» должны быть обособляющиеся устойчивые координации действий, охватывающие ограниченные множества участников. Участвуя в нескольких координациях такого рода, человек конструирует сообщество с другими некоторое множество «мы», к которым себя причисляет и с которыми себя идентифицирует как с областями, в которых ему гарантированы уместность и уверенность в себе. Некоторые из этих «мы», более устойчивые, имеют языковые обозначения: «мы, ненцы», «мы, американцы», «мы, католики», «мы, экономисты», «у нас в МГУ», «в нашей семье», «у нас на заводе» и т.д. Многие не имеют таких обозначений, но могут быть не менее значимыми. Пересечение границ этих «мы» может иметь такие же по типу, хотя, возможно, и не по интенсивности последствия, как и

миграция из России в США, переезд из деревни в город, перемещение в высший социальный слой с сопутствующими изменениями в кругах общения и т.п. Миграция — лишь наиболее яркий случай *социальной мобильности*; последняя существует во множестве разнообразных форм. Для маргинальности в элементарной ее форме достаточно того, чтобы человек оказался между разными «мирами», отличными друг от друга, чтобы это делало проблематичным его размещение в мире-вообще.

3.1. Каждая обособленная область взаимодействия, служащая основой для конструирования «мы», объединяющего ее участников, сцеплена с более или менее своеобразной выборкой значимых для нее объектов (физических, социальных, ментальных) и формированием *смыслового порядка*, в котором эти объекты связываются друг с другом, классифицируются, сопоставляются, противопоставляются, дифференциально оцениваются и т.д. Членство — или «статус» — в том или ином «мы» включает в себе связь человека не только с другими его участниками, но и с другими объектами, вполне определенным образом упорядоченными. Если степень координации участников достаточно высока, то о них можно образно сказать, что они «вросли» в этот мир, или «укоренены» в нем. Человеческое Я обладает наибольшей определенностью при таком «вращении». Надежность такого смыслового порядка, находящая опору в эффективном протекании соответствующих взаимодействий, служит для человека гарантией его устойчивого размещения в нем (идентичности); такой смысловой порядок не дает поводов для сомнения, в том числе в своем Я. Каждое более или менее устойчивое «мы» имеет такой смысл³⁴.

3.2. Какими бы скверными коннотациями ни обросло понятие группы и сколько бы ни ставился под сомнение факт существования групп, в слишком объективистском их понимании, в существовании «мы» усомниться нельзя, и мы принимаем очерчивание разных «мы» как антропологическую константу.

3.3. Аналогом эволюционного перехода из более партикулярных миров в более широкий и инклюзивный является биографический переход из мира ближайших значимых других, в котором формируется ядро человеческого Я, в более широкие круги взаимодействий. В современном обществе репертуар открытых возможностей для такого перехода очень широк, в силу того что многие социальные границы в нем являются принципиально проницаемыми, в отличие от примитивных, кастовых и со-

³⁴ Подробное феноменологическое описание этого дано в очерке А. Шюца «Чужак». В отличие от Шюца, мы акцентируем в выражении «мы-группа» не «группу», а «мы», имея в виду *приоритетное значение самой включенности, а не того, во что человек включен.*

словных обществ. Такие переходы связаны для человека с покиданием области действительности того смыслового порядка, в котором он был «уко-ренен», подвешиванием его места в мире, т.е. определенности его Я (идентичности), и потерей спонтанной уверенности.

3.4. Современное общество содержит в себе достаточно стимулов для того, чтобы люди, хотя бы они того или нет, покидали свои уютные узкие миры и искали места («статуса») в более широком обществе. «Борьба за статус», в которую с необходимостью вовлекаются люди, есть действительное стремление встроиться в новый смысловой порядок и устойчиво в нем разместиться, в указанном выше смысле. Пересечение границ, неизбежное при этом, является в какой-то мере принудительным, и оно неизбежно маргинализирует.

3.5. Смысловые порядки, соединенные с разными «мы», включают в себе разные классификации объектов и их взаимные размещения, типы и степени их сродства и чуждости, вероятность и допустимость совмещений одних объектов с другими. Вписывание человеком себя в разные «мы» в той или иной степени нарушает смысловую определенность текущих объектов, в том числе его Я. Взаимодействуя с другими в рамках единого «мы», человек своим присутствием и своими действиями (экспрессиями) производит для себя и других видимость, элементы которых текущим образом впадают в смысловой порядок этого «мы» и тем самым подтверждают его надежность и определенность.

В ситуации взаимодействия, участники которой актуально вписывают себя в разные «мы» и соответствующие им смысловые порядки, их присутствия и экспрессии определяются и интерпретируются в разных системах координат, в силу чего либо приобретают параллельные смысловые определенности, либо вообще теряют смысловую определенность. Например, представления о «порядочности», связываемые в одном смысловом порядке с одними экспрессиями как ее признаками, связываются в другом смысловом порядке с другими признаками, и человек, претендуя своими экспрессиями на «порядочность» так, как он всегда эффективно это делал в кругу «своих», не получает искомого признания в кругу «чужих»; его представление о себе, не находя поддержки в экспрессиях партнеров по взаимодействию, ставится под сомнение; определенность того, кто он такой и какой он, теряется, и это, разумеется, дискомфортный опыт; *маргинальность*, о каких бы ее аспектах и проявлениях ни шла речь, *всегда устойчиво соединяется с дискомфортом*. Причем этот дискомфорт испытывают все участники, а не только «чужак», пытающийся войти в новую для него группу.

Конкретные проявления этого могут быть самыми разными. Индейцы навахо, когда их стали привлекать к работе на промышленных пред-

приятнях, не могли приезжать на работу вовремя в силу иного, чем у их работодателей, восприятия времени и никак не вписывались к категории «добросовестных работников»³⁵. Человек, попадая извне в круг общения, в котором обычным элементом являются сплетни о некотором ограниченном множестве других людей, не может с ходу к ним присоединиться, а если все-таки пытается это сделать, сталкивается с тем, что участники ставят его «на место», т.е. дают ему знать, что он здесь чужой³⁶. Брак выходцев из религиозно разных семей, католической и протестантской, может создать такую неразбериху взаимных размещений, которая перерастает в целую драму вокруг мест захоронения в социально дифференцированном пространстве кладбища³⁷. Преподаватель социологии, пытаясь перейти работать из одного российского вуза в другой, может столкнуться с тем, что его действия, которые служили признаками его профессиональной квалификации на прежнем месте работы, не служат ими на новом месте работы; его профессиональная идентичность подвешивается.

3.6. Природа указанного выше дискомфорта может быть описана так: участник взаимодействия, автоматически воспроизводя естественными (с его точки зрения) экспрессиями видимости, нормальные в смысловом порядке того «мы», которое было или остается для него естественным социальным окружением, привносит в поле восприятия своих партнеров такие элементы и их сочетания и последовательности, которые не вкрапляются как нормальные в смысловой порядок, естественный для их «мы».

В нормальный порядок видимостей могут не укладываться самые разные вещи: цвет кожи участника, одежда и ее элементы, мимика, жесты, телодвижения, лексические элементы речи и построение предложений, произношение, комбинации цвета кожи и ролевых аксессуаров (черной кожи и халата врача «скорой помощи»³⁸ и т.п.), облика джентльмена и избыточно нецензурной лексики, статуса академика и внешности спортсмена-«братка» в одном лице, последовательности жестов, со-

³⁵ Это хрестоматийный антропологический пример. См. о разных восприятиях времени и возникающих отсюда недоразумениях в работах Э. Холла, например: *Фаст Д. Язык тела. Холл Э. Как понять иностранца без слов.* М., 1995. С. 305-350.

³⁶ См.: *Глакмен М. Сплетни и злословие // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология.* 2000. № 2. С. 122-151; в частности с. 126-127 (пример из романа Дж. Остин «Эмма»). Глакменовские «сплетничающие круги» – яркий пример неименованных «мы».

³⁷ Яркую иллюстрацию подобной драмы см. в: *Уорнер У.Л. Живые и мертвые.* М., СПб., 2000. С. 321-325 («Вакансия на кладбище Элм-Хайлендз»).

³⁸ Пример Эверетта Хьюза. См.: *Hughes E.C. Dilemmas...* P. 142-143.

четания действий с текущими событиями в физическом мире и т.д. Когда нормальный порядок видимостей для других участников взаимодействия не выстраивается, человек, являющийся источником этого, встречает реакцию большего или меньшего неприятия с их стороны, выдавливающую его (мягко и ненавязчиво или жестко и убедительно) из их круга. Переживание такого выдавливания есть переживание социальной дистанции. Поскольку часто у выдавливаемых есть достаточно сильные мотивы не покидать поле, каким бы оно ни было для них дискомфортным (например, если это поле является для них источником средств к существованию), то мы яснее видим «пружины» социальной машины, постоянно воспроизводящей сочетание физической близости и социальной дистанции.

3.6.1. В конечном счете поводами для дискомфорта всегда являются не отдельные элементы сами по себе, а какие-то сочетания, комбинации. В этом ключе следует интерпретировать одно из ключевых свойств маргинального человека — *гибридность*. Продолжительное участие во взаимодействиях с членами других «мы», подкрепляемое принуждениями и личными мотивами, неизбежно ведет человека к усвоению смыслового порядка этих «мы» и его правильных внешних выражений; но так как это усвоение происходит поверх ранее усвоенных смысловых порядков и привычек, то результатом является не чистый переход в другое «мы», а гибридизация элементов старого «мы» и нового, заключающая в себе инерционное «удержание» старых привычек и смыслов и усвоение новых в форме «реинтерпретации» и «синкретизации»³⁹. Гибридные комбинации не могут заменить собой нормальных видимостей, и дискомфорт при этом сохраняется, пусть даже в более мягкой форме.

3.6.2. Проблематичность взаимодействия между членами разных «мы», наличие в нем взаимного или, по крайней мере, одностороннего отторжения между участниками неизбежно требует *интенсификации рефлексии*: когда автоматическая координация взаимодействия не срабатывает, центр тяжести в координации переносится на рефлексивное мышление. Неопределенность собственного положения в мире здесь и сейчас, подкрепляемая ощущаемым выдавливанием из этого мира, провоцирует в участниках превращение себя в объекты, обострение рефлексии в отношении себя как объектов, поиск своих идентичностей, по поводу которых в иных ситуациях проблем не возникало, и объективацию этих идентичностей. Это касается и личных идентичностей, и коллективных идентичностей. Отсюда характерное для маргинального человека *обост-*

³⁹ Здесь использованы ключевые термины М. Херсковица для описания аккультурации.

рение самосознания и группового (классового, этнического, расового, сословного и т.д.) сознания⁴⁰.

Проблематизация «мы» и более ясное объективирующее его очерчивание доводят до сознания отличия этого «мы» от других «мы» и обостряют отделяющую его от них границу; рефлексивный процесс служит неисчерпаемым источником для конструирования групповых идентичностей («групп»), в том числе таких, каких никогда прежде не было, хотя ретроспективно они могут казаться существовавшими раньше или даже всегда. На основе обостренного группового сознания могут выстраиваться такие групповые мобилизации, как националистические движения, классовые конфликты, этнические «возрождения» и т.д., о которых уже говорилось. Эти групповые мобилизации — часть общей динамики маргинальности.

3.7. *Борьба за статус для себя — это неизбежно борьба с другими за размещение в общем для них мире.* Области взаимодействий, в которых могут возникать и возникают поводы для этой борьбы, описываются Парком как области, в которых связи между людьми являются скорее симбиотическими (экологическими и экономическими), чем социальными (т.е. культурными и личностными). В них еще нет общего смыслового (т.е. культурного) порядка, включающего всех участников в общее «мы», в котором они определенным образом размещены индивидуально и коллективно относительно друг друга и эти взаимные размещения поддерживаются взаимным признанием. Иначе говоря, это зоны неопределенных и проблематичных взаимных размещений. С экологической точки зрения эти размещения неизбежно неравноценны в плане доступа к ресурсам и, соответственно, имеют *иерархический* характер, а относительное равновесие взаимных размещений достигается в *процессе конкуренции*, которая, становясь осознанной, превращается в *конфликт*. Следовательно, области «обитания» маргинального человека — это, по Парку, области конкурентного и конфликтного существования. С психологической точки зрения это области, в которых человек стремится обрести признанное другими Я, которое позволяло бы ему чувствовать себя достойно и уверенно, но в которых его притязания сталкиваются с притязаниями этих других.

Речь идет не только об индивидуальном самоутверждении. Смысловые порядки тех «мы», которые сталкиваются в этих областях взаимодействия, заключают в себе разные определения взаимных иерархических размещений «групп», и эти определения, поддерживаемые сильны-

⁴⁰ См., например: *Парк Р.Э.* Понятие социальной дистанции. С. 192-193.

ми коллективными чувствами⁴¹, входят в конфликт. Участники взаимодействий, отстаивая свое достоинство, продавливают свои определения иерархического устройства более широкого мира, в которых их «статус» был бы лучшим; при этом больше возможностей продавить свое определение (т.е. свой смысловой порядок) имеют члены того «мы», которое экологически, экономически и политически *господствует*, но в условиях, когда это господство уже не является само собой разумеющимся и естественным, успех их определения не является гарантированным. В этой борьбе выдавливание конкурентов/противников, оспаривающих удобный для господствующего «мы» смысловой порядок взаимных размещений, является важным фактором удержания социальных дистанций и маргинальности.

4. Групповые категоризации, границы, дистанции и т.п. производятся в действии/взаимодействии и более нигде. Хотя те из них, которые на данный момент произведены, могут казаться участникам уже готовыми данностями, все они могут быть подвергнуты переплавке. Современный мир — это мир, в котором «группы» и границы постоянно реконструируются. Соответственно, в нем, с одной стороны, воспроизводятся прежние, иногда очень устойчивые маргинализации, а с другой — производятся новые. Маргинализация происходит *везде, где вступают во взаимодействие носители разных «мы» и разных смысловых порядков*. Интенсивность маргинализации не всегда и не везде одинакова, как и ее продолжительность. Наиболее велики они там, где (а) смысловые порядки сталкивающихся «мы» содержат существенно разные определения объектов, значимых для успешности текущих взаимодействий, (б) затрагиваются наиболее лично значимые для участников аспекты их размещения в мире, (в) члены разных «мы» обладают легко опознаваемыми отличиями, например разным цветом кожи, облегчающими категоризацию и проведение границ. Продолжительная и интенсивная маргинализация создает личностный тип, который красочно описывается чикагцами как раздвоенная, часто несчастная личность, мечущаяся между несовместимыми культурными мирами, нигде не чувствующая себя «как дома», разъедаемая внутренними противоречиями и мучительным самокопанием и т.д.

В менее ярких случаях маргинальность проявляется просто в нарушениях рутинного хода событий. Хотя Парк подробнее всего анализировал яркие случаи маргинальности, мы должны помнить о том, что его

⁴¹ См.: Блумер Г. Расовый предрассудок как чувство групповой позиции // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2008. № 4. С. 141-152.

метод опирался на изучение «лабораторных» образцов, и понимать, что эти яркие случаи (мигранты, евреи, мулаты и др.) – просто «лабораторные» образцы, позволяющие найти и прояснить свойства *современного человека вообще*, который и есть «маргинальный человек», т.е. человек, вынужденный – хочет он того или нет, в силу самого устройства современного мира – покинуть любые уютные узкие «мы», выходить во все более широкие круги взаимодействий, приспосабливаться к существованию в них и невольно выстраивать и перестраивать их своим активным участием.

5. Хотя в историческом контексте тематика «маргинального человека» и «плавильного котла» тесно увязывалась с ассимиляцией, американизацией и вестернизацией западных индивидов, групп и культур, «маргинальный человек» не может рассматриваться просто как промежуточный тип на пути к этому результату. Просто переход людей из одних «мы-групп» в другие не является признаком современности. Признаком современности является то, что эти переходы никогда до конца не завершаются, в том числе потому, что они своей вездесущностью постоянно разрушают устойчивые узкогрупповые идентичности, к которым можно было бы окончательно присоединиться. В этом смысле Парк называет «сравнительно более цивилизованным» именно маргинального человека⁴², а не американизированного, вестернизированного, русифицированного, китаизированного и т.д. *Маргинальный человек – это человек, переходящий из узкого мира во все более широкий мир, но не как во что-то уже готовое, а как в то, что он сам своими действиями и создает.*

Это основное, ключевое значение, которое Парк вкладывал в понятие маргинального человека, но, как это ни странно, после Парка оно чаще всего игнорировалось в пользу бесплодных психологических портретов маргинала как специфического личностного типажа и поиска новых видов этого типажа.

⁴² См.: Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек. С. 175.